

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

Джейн
Остин

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
О 76

Перевод с английского
Е. Калявиной, Н. Калошиной, Н. Кротовской,
А. Ливерганта

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки В. Манацковой

© Е. Калявина, перевод, 2016
© Н. Калошина, перевод, 2004
© Н. Кротовская, перевод, 2004
© А. Ливергант, перевод, 2002
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-11991-8

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА

*Графине де Февиллид
посвящает этот роман автор,
ее покорный и преданный слуга.*

«Обманут в дружбе, в чувствах предан».

Письмо первое

Изабелла — Лауре

Как часто, в ответ на мои постоянные просьбы рассказать моей дочери во всех подробностях о невзгодах и превратностях Вашей жизни, Вы отвечали:

«Нет, друг мой, на Вашу просьбу я отвечу согласием не раньше, чем мне не будет угрожать опасность пережить вновь подобные ужасы».

Что ж, время это приближается. Сегодня Вам исполнилось пятьдесят пять лет. Если верить в то, что может наступить время, когда женщине не грозит настойчивое ухаживание постылых поклонников и жестокое преследование упрямых отцов, то именно в эту пору жизни Вы сейчас вступаете.

Изабелла.

Письмо второе

Лаура — Изабелле

Хотя я никак не могу согласиться с Вами в том, что и впрямь наступит время, когда меня не будут преследовать столь же многочисленные и тяжкие невзгоды, какие мне довелось пережить, я готова,

дабы избежать обвинений в упрямстве или в дурном нраве, удовлетворить любопытство Вашей дочери. Пусть же та стойкость, с какой я сумела перенести выпавшие на мою долю многочисленные несчастья, поможет ей справиться с теми злоключениями, что предстоит перенести ей самой.

Письмо третье

Лаура — Марианне

Как дочь моей ближайшей подруги, Вы, на мой взгляд, имеете право знать грустную историю моей жизни, рассказать Вам которую Ваша мать меня так часто упрасивала.

Отец мой родом из Ирландии и жил в Уэльсе; ма-тушка была дочерью шотландского пэра и итальян-ской певицы; родилась я в Испании, а образование получила в женском монастыре во Франции. Когда мне исполнилось восемнадцать, отец призвал меня возвратиться под родительский кров, в Уэльс. Дом наш находился в одном из самых живописных угол-ков долины Аска. Хотя сейчас из-за перенесенных невзгод красота моя уже не та, что прежде, в моло-дости я была очень хороша собой, однако покладис-тым нравом не отличалась. Я обладала всеми досто-инствами своего пола. В монастыре я всегда успева-ла лучше остальных, мои успехи для моего возраста были неслыханны, и в очень скором времени я пре-взошла своих учителей.

Я была средоточием всех мыслимых добродете-лей, являя собой пример добропорядочности и бла-городства.

Единственным моим недостатком (если это мож-но назвать недостатком) была излишняя чувстви-тельность к малейшим неприятностям моих друзей

и знакомых, в особенности же — к неприятностям моим собственным. Увы! Как все изменилось! Хотя сейчас собственные мои злоключения действуют на меня ничуть не меньше, чем раньше, несчастья других ничуть меня более не волнуют. Слабеют и мои многочисленные способности: я уже не в состоянии ни столь же хорошо петь, ни столь же изящно танцевать, как когда-то, — *minuet de la cour*¹ я забыла напрочь.

Прощайте.

Лаура.

Письмо четвертое

Лаура — Марианне

Круг нашего общения был невелик: ни с кем, кроме Вашей матери, мы не встречались. Быть может, она уже рассказывала Вам, что после смерти родителей, находившихся в весьма стесненных обстоятельствах, она вынуждена была перебраться в Уэльс. Там-то и зародилась наша дружба. Изабелле шел тогда двадцать первый год, и (между нами говоря), хотя была она недурна собой и весьма обходительна, в ней не было и сотой доли той красоты и тех способностей, коими обладала я. Изабелла, правда, повидала мир. Два года проучилась она в одном из лучших лондонских пансионов, две недели провела в Бате и однажды вечером даже ужинала в Саутгемптоне.

«Лаура (не раз говаривала она мне), остерегайся бесцветной суетности и праздного мотовства английской столицы. Держись подальше от скоротечных удовольствий Бата и от вонючей рыбы Саутгемптона».

¹ Менуэт при дворе (*фр.*).

«Увы! (воскликнула я в ответ). Как, скажи на милость, избежать мне тех пороков, которые никогда не встретятся на моем пути? Велика ли вероятность того, что мне суждено вкусить праздную жизнь Лондона, удовольствия Бата или вонючую рыбу Саутгемптона?! Мне, которой суждено попусту растратить дни моей юности и красоты в скромном коттедже в долине Аска?»

Ах! Тогда я и помыслить не могла, что скоро, совсем скоро мне суждено будет сменить скромный родительский дом на призрачные светские удовольствия.

Прощайте.

Лаура.

Письмо пятое

Лаура — Марианне

Однажды, поздним декабрьским вечером, когда отец, матушка и я сидели у камина, мы вдруг, к нашему величайшему изумлению, услышали громкий стук в дверь нашего скромного сельского жилища.

Мой отец вздрогнул. «Что там за шум?» (спросил он).

«Похоже, кто-то громко стучит в нашу дверь» (отвечала матушка).

«В самом деле?!» (вскричала я).

«И я того же мнения (сказал отец), шум, вне всяких сомнений, вызван неслыханно сильными ударами в нашу ветхую дверь».

«Да (воскликнула я), сдается мне, кто-то стучится к нам в поисках пристанища».

«Это уже другой вопрос (возразил он). Мы не должны делать вид, что знаем, по какой причине к нам стучатся, хотя в том, что кто-то *и в самом деле* стучится в дверь, я почти убежден».

Тут второй оглушительный удар в дверь прервал моего отца на полуслове и немного встревожил матушку и меня.

«А не стоит ли пойти посмотреть, кто там? (сказала матушка). Слуг ведь нет».

«Пожалуй» (ответила я).

«Разумеется (добавил отец), совершенно согласен».

«Так пойдемте?» (сказала матушка).

«Чем скорей, тем лучше» (откликнулся отец).

«О, давайте не терять времени понапрасну!» (вскричала я).

Тем временем третий удар, еще более мощный, чем два предыдущих, разнесся по всему дому.

«Я убеждена, что кто-то стучится в дверь» (сказала матушка).

«Похоже на то» (сказал отец).

«По-моему, вернулись слуги (сказала я). Мне кажется, я слышу, как Мэри идет к дверям».

«И слава богу! (вскричал отец). Мне уже давно не терпится узнать, кто это к нам пожаловал».

Мои догадки полностью подтвердились. Не прошло и нескольких мгновений, как в комнату вошла Мэри и сообщила, что к нам стучатся молодой джентльмен и его слуга; они сбились с пути, замерзли и умоляют пустить их обогреться у огня.

«Неужто вы их не впустите?» (спросила я).

«Ты не возражаешь, дорогая?» (спросил у матушки отец).

«Конечно нет» (отвечала матушка).

Не дожидаясь дальнейших распоряжений, Мэри немедленно покинула комнату и вскоре вернулась с самым красивым и приветливым молодым человеком, какого мне когда-нибудь приходилось лицезреть. Слугу же она отвела к себе.

На мою тонкую натуру уже и без того произвели сильнейшее впечатление страдания незадачливого незнакомца, поэтому стоило мне встретиться с ним глазами, как я ощутила, что от этого человека будет зависеть счастье или несчастье всей моей жизни.

Прощайте.

Лаура.

Письмо шестое

Лаура — Марианне

Благородный молодой человек сообщил нам, что зовут его Линдсей, — руководствуясь собственными соображениями, однако, впредь я буду называть его Тэлбот. Он поведал, что его отец — английский баронет, что мать умерла много лет назад и что у него есть сестра весьма средних способностей.

«Мой отец (продолжал он) подлый и корыстный негодяй — об этом я говорю только вам, своим ближайшим, самым преданным друзьям. Ваши добродетели, мой любезный Полидор (продолжал он, обращаясь к моему отцу), и ваши, дорогая Клавдия, и ваши, моя прелестная Лаура, позволяют мне всецело вам довериться». Мы поклонились. «Мой отец, соблазнившись призрачным блеском богатства и громких титулов, требует, чтобы я всенепременно сочетался браком с леди Доротеей. Но этому не бывать! Леди Доротея, слов нет, прелестна и обаятельна, я бы предпочел ее любой другой женщине, но знайте же, сэр (заявил я отцу), брать ее в жены, потворствуя вашим прихотям, я не намерен! Нет! Никогда не пойду я на поводу у своего родителя!»

Мы все с восхищением внимали сим мужественным речам. Между тем молодой человек продолжал:

«Сэр Эдвард был удивлен; возможно, он не ожидал столь резкой отповеди.

— Скажи, Эдвард (вскричал он), где набрался ты этого несусветного вздора? Подозреваю, что из романов.

Я промолчал: отвечать было ниже моего достоинства. Вместо этого я вскочил в седло и в сопровождении преданного Уильяма отправился к своим тетушкам.

Поместье моего отца находится в Бедфордшире, тетушка живет в Миддлсексе, и, хотя мне всегда казалось, что географию я знаю вполне сносно, я по какой-то неведомой причине очутился в этой прелестной долине, которая, насколько я могу судить, находится в Южном Уэльсе, а никак не в Миддлсексе.

Побродив некоторое время по берегам Аска, я вдруг сообразил, что не знаю, в какую сторону идти, и принялся оплакивать свой горький жребий. Между тем стемнело, на небе не было ни единой звезды, которая могла бы направить мои стопы, и трудно сказать, что бы со мной случилось, если бы спустя некоторое время не разглядел я в окружавшей меня крошечной тьме далекий свет, который, когда я приблизился, оказался огнем, призывно пылавшим в вашем камине. Преследуемый всевозможными несчастьями, а именно страхом, холодом и голодом, я, не колеблясь, попросил приюта, каковой, пусть и не сразу, был мне дан. И вот теперь, обожаемая моя Лаура (продолжал он, взяв меня за руку), скажи, могу ли я надеяться, что буду вознагражден за все злоключения, что мне пришлось претерпеть? Скажи же, когда я буду вознагражден тобой?»

«Сию же минуту, дорогой и любезный Эдвард» (отвечала я).

И мы были немедленно обручены моим батюшкой, который, хоть и не был священником, получил богословское образование.

Прощайте.

Лаура.

Письмо седьмое

Лаура — Марианне

Проведя несколько дней после свадьбы в долине Аска, я нежно распростилась с отцом, матушкой и моей Изабеллой и отправилась вместе с Эдвардом в Миддлсекс к его тетке. Филиппа приняла нас с чувствами самыми искренними и теплыми. Приезд мой оказался для нее весьма приятным сюрпризом, ибо она не только ровным счетом ничего не знала о моем браке с ее племянником, но не имела ни малейшего представления о моем существовании.

В это время у нее в доме находилась с визитом сестра Эдварда—Августа, девушка и в самом деле способностей весьма средних. Меня она встретила с неменьшим изумлением, однако вовсе не с такой же сердечностью, как Филиппа. В том, как она меня приняла, ощущались неприятная холодность и отталкивающая сдержанность, что было в равной степени печально и неожиданно. Во время нашей первой встречи она не проявила ни живого участия, ни трогательного сочувствия, столь свойственных людям, встречающимся впервые. Она не употребляла теплых слов, в ее знаках внимания не было ни живости, ни сердечности; я было раскрыла ей объятия, готовясь прижать ее к своему сердцу, однако Августа мне взаимностью не ответила.

Короткий разговор между Августой и ее братом, который я поневоле, стоя за дверью, подслушала, еще более увеличил мою к ней неприязнь и убедил меня в том, что сердце ее не более создано для нежностей любви, чем для тесных уз дружбы.

«Неужто ты думаешь, что батюшка когда-нибудь смирится с этой опрометчивой связью?» (спросила Августа).

«Августа (ответил благородный молодой человек), признаться, я полагал, что ты обо мне лучшего

мнения. Неужели ты могла подумать, что я способен уронить себя настолько низко, чтобы придавать значение вмешательству отца в мои дела? Скажи мне, Августа, скажи со всей искренностью: ты помнишь, чтобы я хотя бы раз, с тех пор как мне исполнилось пятнадцать, обращался к отцу за советом или справлялся о его мнении в любом, даже самом пустяшном деле?»

«Эдвард (возразила она), по-моему, ты себя недооцениваешь. Мой дорогой брат, да ты не потакал прихотям батюшки с пяти лет, а не с пятнадцати! И все же у меня есть предчувствие, что, обращаясь к отцу с просьбой проявить великодушие к твоей жене, ты в самом скором времени вынужден будешь уронить себя в своих собственных глазах».

«Никогда, никогда, Августа, не уроню я таким образом своего достоинства (сказал Эдвард). Проявить великодушие! Лаура в великодушии отца насколько не нуждается! Какую, по-твоему, помощь может он ей оказать?»

«Ну, хотя бы самую незначительную: в виде съестных припасов и вина» (ответила она).

«Съестное и вино! (вспылил мой супруг). Уж не думаешь ли ты, что столь возвышенный ум, как у моей Лауры, более всего на свете нуждается в столь низменных и ничтожных вещах, как съестное и вино?!»

«А по-моему, нет ничего более возвышенного!» (возразила Августа).

«Ты что же, никогда не испытывала сладостные муки любви, Августа? (ответил мой Эдвард). На твой извращенный вкус, жить любовью невозможно? Ты что, не можешь себе представить, какое счастье жить с любимым, пусть и без гроша за душой?»

«С тобой (сказала Августа) невозможно спорить. Быть может, впрочем, со временем тебя удастся убедить, что...»

Окончание ее речи мне помешало дослушать очень красивая юная леди, которая ворвалась в комнату, распахнув дверь, за которой я стояла. Услышав, что лакей представил ее «Леди Доротея», я тут же покинула свой пост и последовала за ней в гостиную, ибо хорошо помнила, что эту самую леди прочил моему Эдварду в жены безжалостный и жестокосердный баронет.

Хотя свой визит леди Доротея наносила Филиппе и Августе, у меня есть некоторые основания полагать, что (узнав о браке Эдварда и его приезде) основной причиной ее появления послужило желание увидеть меня.

Я вскоре заметила, что, хотя леди Доротея была хороша собой и обходительна в обращении, во всем, что касается изысканных мыслей, восприимчивости и нежных чувств, она принадлежала к существам столь же неполноценным, что и Августа.

В доме Филиппы она провела не более получаса и за это время ни разу не поделилась со мной своими тайными мыслями, не вызвала меня на конфиденциальный разговор. А потому Вы с легкостью представите себе, моя дорогая Марианна, что нежными чувствами к леди Доротее я не воспылала, не испытала к ней искренней привязанности.

Прощайте.

Лаура.

Письмо восьмое

Лаура — Марианне
(в продолжение предыдущего)

Не успела леди Доротея нас покинуть, как объявился, причем столь же неожиданно, еще один посетитель. То был сэр Эдвард; узнав от Августы

о свадьбе ее брата, он, вне всяких сомнений, приехал попрекнуть сына за то, что тот посмел со мной обручиться без его ведома. Однако Эдвард его опередил: стоило сэру Эдварду войти в комнату, как он, со свойственной ему решительностью, обратился к отцу со следующими словами:

«Сэр Эдвард, я знаю, какую цель вы преследовали, приехав сюда. Явились вы с гнусным намерением попрекнуть меня тем, что я заключил нерасторжимый союз с моей Лаурой без вашего согласия. Но, сэр, я этим союзом горжусь... Горжусь тем, что вызвал неудовольствие своего отца!»

И с этими словами он взял меня за руку и, покуда сэр Эдвард, Филиппа и Августа отдавали в своих мыслях должное его беспримерной отваге, вывел меня из дому к еще стоявшей у дверей карете отца, и мы немедленно отправились в путь, спасаясь от преследования сэра Эдварда.

Вначале фореиторам было приказано выехать на лондонскую дорогу, однако, по трезвому размышлению, мы распорядились ехать в М., город, в котором жил ближайший друг Эдварда и который находился всего в нескольких милях отсюда.

В М. мы прибыли спустя несколько часов и, назвавшись, были незамедлительно приняты Софией, женой друга Эдварда. Представьте себе мои чувства, когда я, лишившись три недели назад ближайшей подруги (ибо таковой я считаю Вашу матушку), вдруг поняла, что вижу перед собой ту, что воистину достойна называться ею. София была немного выше среднего роста и великолепно сложена. От ее прелестных черт веяло легкой истомой, отчего она казалась еще красивее... Чувствительность была ее отличительной чертой. Мы бросились друг другу в объятия и, поклявшись быть верными нашей дружбе до конца дней своих, немедленно повели нас

другу самые заветные тайны... Наш разговор по душам был прерван Огастесом, другом Эдварда, который, по обыкновению, гулял в одиночестве и только что вернулся.

Никогда прежде не приходилось мне становиться свидетелем столь трогательной сцены, какой явилась встреча Эдварда и Огастеса.

«Жизнь моя! Душа моя!» (воскликнул первый).

«Мой обожаемый ангел!» (отвечал второй).

И они бросились друг другу в объятия. На нас с Софией сцена эта произвела неизгладимое впечатление... Одна за другой рухнули мы на диван без чувств.

Прощайте.

Лаура.

Письмо девятое

Та же — той же

К концу дня мы получили от Филиппы следующее письмо: «Ваш внезапный отъезд привел сэра Эдварда в ярость. Августу он увез к себе в Бедфордшир. Как бы ни хотелось мне вновь наслаждаться вашим прелестным обществом, не могу заставить себя разлучить вас со столь близкими и достойными друзьями... Когда же ваш визит к ним завершится, надеюсь, вы вернетесь в объятия вашей *Филиппы*».

На это эмоциональное послание мы ответили соответствующим образом и, поблагодарив Филиппу за любезное приглашение, заверили ее, что, если податься нам будет некуда, мы непременно им воспользуемся. Хотя любому здравомыслящему существу столь благородный ответ пришелся бы по душе, она, с присущим ей своеобразием, осталась нами недо-

вольна и спустя несколько недель, то ли желая отмстить нам за наше поведение, то ли изменить свое одинокое существование, вышла замуж за молодого и необразованного искателя приключений. Сей неразумный шаг (хотя мы и понимали, что он, весьма вероятно, лишит нас наследства, которое мы были вправе ожидать от Филиппы) не вызвал у нас, при всей нашей чувствительности, ни единого вздоха. В то же время из страха, что шаг этот станет для обманутой невесты источником нескончаемых страданий, случившееся, когда мы впервые о нем узнали, взволновало нас чрезвычайно. Страстные призывы Огастеса и Софии считать их дом нашим домом с легкостью убедили нас никогда более с ними не расставаться. В обществе моего Эдварда и этой прелестной пары провела я самые счастливые мгновения своей жизни. Время летело незаметно во взаимных заверениях в неизменной дружбе и вечной любви, наслаждаться коими нам не мешали назойливые и незваные посетители: вернувшись домой, Огастес и София весьма своевременно позаботились о том, чтобы сообщить своим соседям, что, коль скоро счастье их целиком и полностью зависит только от них самих, они ни в чем обществе более не нуждаются. Но, увы, дорогая моя Марианна! Такое счастье, какому я тогда предавалась, было слишком безоблачным, чтобы длиться вечно, и все наши радости были разом уничтожены одним страшным и внезапным ударом. После всего того, что я Вам уже рассказывала об Огастесе и Софии, паре, счастливее которой не было на свете, Вам, полагаю, нет нужды объяснять, что союз их не входил в планы их жестоких и корыстных родителей, которые с упрямым упорством понапрасну пытались заставить и Огастеса, и Софию пойти под венец с теми, кто был им глубоко ненавистен.

Несмотря на все эти старания, молодые люди с героической стойкостью, достойной восхищения и преклонения, наотрез отказывались подчиняться родительской деспотии.

После того как, заключив тайный брак, Огастес и София сбросили оковы родительского самоуправства, они вознамерились не поступаться добрым о себе мнением, которое завоевали они в свете, и не принимать предложение родителей заключить перемирие — тем самым еще отважнее отстаивая свою благородную независимость, на которую, впрочем, никто уже более не покушался.

Когда мы приехали, женаты молодые люди были уже несколько месяцев, при этом жили они на широкую ногу. Дело в том, что за несколько дней до того, как обручиться с Софией, предприимчивому Огастесу удалось выкрасть из секретера своего недостойного отца весьма значительную сумму денег.

К нашему приезду, однако, расходы их существенно возросли, средства же были почти полностью израсходованы. Несмотря на это, сии возвышенные существа считали для себя унижительным хотя бы на минуту задуматься о своем бедственном положении, и одна лишь мысль расплатиться с долгами повергала их в стыд. И какова же была награда за такое столь бескорыстное поведение?! Несравненного Огастеса арестовали, и мы поняли, что всем нам пришел конец. Столь вероломное предательство безжалостных и бессовестных негодяев, совершивших это грязное дело, наверняка ранит Вашу нежную душу, дражайшая Марианна, ничуть не меньше, чем потрясло оно Эдварда, Софию, Вашу Лауру, да и самого Огастеса. В довершение этого несравненного варварства нас известили, что в самом скором времени в доме будет учинен обыск.

Ах, что нам оставалось делать?! Мы испустили глубокий вздох и упали без чувств на диван.

Прощайте.

Лаура.

Письмо десятое

*Лаура — Марианне
(продолжение)*

Когда мы немного пришли в себя от охвативших нас горьких чувств, Эдвард призвал нас задуматься, что предпринять в сложившейся ситуации, — он же тем временем отправится навестить своего посаженного в тюрьму друга, чтобы вместе с ним оплакать его горькую судьбу. Мы пообещали, что задумаемся, и он отправился в город. В его отсутствие мы выполнили его желание и после длительных размышлений пришли к выводу, что лучше всего нам будет покинуть дом, куда в любой момент могут ворваться судебные приставы. А потому мы с огромным нетерпением ждали возвращения Эдварда, дабы сообщить ему результаты наших раздумий. Однако Эдвард не возвращался. Напрасно считали мы минуты до его возвращения, напрасно рыдали, напрасно даже вздыхали — Эдварда не было. Для нежных наших чувств это был слишком жестокий, слишком неожиданный удар; мы ничего не могли поделать — разве что упасть в обморок. Наконец, собрав всю решимость, на какую только была я способна, я поднялась и, сложив вещи свои и Софии, довела ее до кареты, которую перед тем предусмотрительно распорядилась заложить, и мы немедленно выехали в Лондон. Поскольку дом Огастеса находился всего в двенадцати милях от города, в столицу мы въехали довольно скоро, и, оказавшись в Холборне, я опустила стекло и принялась спрашивать у каждого прохо-

дившего мимо прилично одетого человека, не видели ли они моего Эдварда.

Но оттого, что ехали мы слишком быстро и отвечать на мои вопросы они не успевали, я, признаться, мало что выяснила, а вернее, и вовсе ничего.

«Куда прикажете ехать?» — спросил фореитор.

«В тюрьму Ньюгейт¹, славный юноша (ответила я), к Огастесу».

«О нет, нет (воскликнула Софья), только не это, в Ньюгейт я ехать не в состоянии. Я не смогу вынести вида моего Огастеса в столь чудовищном застенке. Даже рассказ о его страданиях омрачает мне душу; если же я воочию увижу, как он мучается, то не выдержу...»

Поскольку я была целиком согласна с тем, как Софья оценивает свои чувства, фореитору было незамедлительно приказано возвращаться в деревню. Вас, быть может, удивит, моя дорогая Марианна, что в бедственном положении, в котором я тогда оказалась, лишенная всякой помощи и без крыши над головой, я ни разу не вспомнила моих отца и матушку, а также родительский кров в долине Аска. Чтобы хоть как-то объяснить свою забывчивость, должна сообщить Вам одно незначительное обстоятельство, о котором еще не упоминала. Я имею в виду смерть родителей, которая случилась через несколько недель после моего отъезда. После их кончины я стала законной наследницей их дома и состояния. Но, увы! Дом, как оказалось, никогда не был их собственностью, состояние же — всего лишь их пожизненной рентой. Такова несправедливость мира! К Вашей матушке я бы вернулась с превеликим удовольствием,

¹ Вплоть до середины XIX века перед Ньюгейтской тюрьмой в Лондоне публично вешали осужденных; в настоящее время на месте снесенной в 1902 году тюрьмы стоит здание Центрального уголовного суда Олд-Бейли.

была бы счастлива познакомить ее с моей прелестной Софией и с радостью провела бы остаток дней в их обществе в долине Аска, если бы одно обстоятельство не воспрепятствовало осуществлению этих радужных планов, а именно: Ваша матушка вышла замуж и уехала в Ирландию.

Прощайте.

Лаура.

Письмо одиннадцатое

*Лаура — Марианне
(продолжение)*

«У меня есть родственник в Шотландии (сказала мне София, когда мы выехали из Лондона), который наверняка рад будет нас приютить».

«Приказать фореитору ехать в Шотландию? — спросила было я, но тут же одумалась и воскликнула: — Увы, столь долгое путешествие будет для лошадей слишком обременительным».

Не желая, однако, действовать сообразно лишь своим, весьма нетвердым, знаниям о выносливости лошадей, я обратилась за советом к фореитору, который, как выяснилось, придерживается на сей счет моего мнения. А потому мы сообща приняли решение в ближайшем же городе сменить лошадей и остаток пути проделать на почтовых. Прибыв на последнюю станцию, находившуюся всего в нескольких милях от дома родственника Софии, и не желая навязывать ему свое общество, мы написали ему очень изящное, продуманное письмо, где описывалось наше отчаянное положение и говорилось о нашем намерении провести у него в Шотландии несколько месяцев. Как только письмо это было отправлено, мы приготовились следовать за ним следом и с этой целью уже садились в экипаж, когда наше внимание

привлекла въехавшая на двор станции карета с короной, запряженная четверкой лошадей. Из кареты вышел джентльмен весьма почтенных лет. Стоило только мне его увидеть, как сердце мое взволнованно забилося, и, бросив на него взгляд не столь мимолетный, как в первый раз, я испытала к этому человеку внезапную симпатию; догадка меня осенила: то был мой дед. Убедившись, что в своих предположениях я никак не могла ошибиться, я в ту же минуту опрометью бросилась вон из экипажа, где только что разместилась, и, последовав за сим знатным незнакомцем в комнаты, куда его проводили, бросилась перед ним на колени и взмолилась, чтобы он признал во мне свою внучку. Пожилой джентльмен вздрогнул и, внимательно изучив черты моего лица, поднял меня с колен и, по-отечески крепко обняв, воскликнул:

«Как же мне не признать тебя?! Тебя, вылитую копию моей Лаурины и дочери Лаурины, светлый образ и подобие моей Клавдии и матери Клавдии! Да, я торжественно заявляю: ты — дочь первой из вышеназванных и внучка второй!»

В эту минуту, обеспокоенная моим внезапным бегством, в комнату за мной следом вбежала София, и стоило сему почтенному джентльмену бросить на нее пусть и мимолетный взгляд, как он с ничуть не меньшим изумлением вскричал:

«Еще одна внучка! Да, да, я узнаю тебя, ты — дочь старшей дочери моей Лаурины, о чем неопровержимо свидетельствует твое сходство с красавицей Матильдой».

«Ах, — отвечала София, — стоило мне только увидеть вас, как сердце мне подсказало: нас связывают тесные родственные узы. Вот только какие именно?.. Этого я определить не смогла...»

Тут он раскрыл ей свои объятия, и, пока они нежно обнимались, дверь в комнату распахнулась и на пороге вырос молодой человек редкой красо-

ты. Стоило только лорду Сент-Клеру (а это был он) увидеть его, как он вздрогнул, отшатнулся и, воздев руки, вскричал:

«Боже! Еще один внук! Какое счастье! На протяжении каких-нибудь трех минут я обрел сразу нескольких наследников. Это, в чем я нисколько не сомневаюсь, Филандер, сын прелестной Берты, третьей дочери моей Лаурины. Теперь, чтобы собрались все внуки моей Лаурины, не хватает лишь Густава!»

«А вот и он! (воскликнул юный красавец, который в это самое мгновение вошел в комнату). Перед вами тот самый Густав, которого вы так хотели видеть. Я — сын Агаты, четвертой и самой младшей дочери вашей Лаурины».

«Я вижу, что это и в самом деле вы, — сказал лорд Сент-Клер. — Но скажите мне (продолжал он, с опаской глядя на дверь), на этом постоялом дворе есть и другие мои внуки?»

«Больше ни одного, милорд».

«В таком случае я, не мешкая более, обеспечу вас, всех до одного. Вот четыре банкноты по 50 фунтов каждая... Возьмите их и помните, что свой долг отца и деда я исполнил до конца».

И с этими словами он незамедлительно покинул комнату, а затем и дом.

Прощайте.

Лаура.

Письмо двенадцатое

*Лаура — Марианне
(продолжение)*

Можете себе представить, как были мы удивлены внезапным отъездом лорда Сент-Клера.

«Подлый старикан!» — воскликнула София. «Недостойный дед!» — вырвалось у меня, после чего мы

тут же одновременно лишились чувств и упали друг другу в объятия. Не знаю, сколько времени пролежали мы в обмороке; когда же пришли в себя, то обнаружили, что находимся в комнате одни; не было ни Густава, ни Филандера, ни наших банкнот. Пока мы оплакивали горькую свою судьбу, дверь открылась и слуга объявил о приезде некоего Макдональда. Это и был кузен Софии. Та поспешность, с какой он отправился к нам на помощь сразу после получения нашей записки, настолько говорила в его пользу, что я чуть было не назвала его, хоть и видела впервые в жизни, нежным и преданным другом. Увы! Макдональд нисколько не заслуживал этого комплимента, ибо хоть он и сообщил нам, что весьма опечален нашими злоключениями, однако, по его же собственным словам, история наша не вызвала у него ни единого вздоха, ни одного проклятия в адрес отвернувшихся от нас небес. Он сообщил, что его дочь очень рассчитывает, что София вернется вместе с ним в Макдональд-Холл и что мне, как подруге его кузины, также будут там очень рады. После чего мы все вместе отправились в Макдональд-Холл, где были очень ласково приняты Жанеттой, дочерью Макдональда, и хозяйкой дома. Жанетте было тогда всего пятнадцать. Сердца от природы доброго, наделенная восприимчивым нравом и приятной наружностью, она могла бы, буде эти качества должным образом поддержаны и развиты, стать украшением человеческой природы; но, к несчастью, отец ее не обладал достаточно возвышенной душой, дабы восхищаться чертами столь многообещающими, а потому пытался любыми средствами помешать их становлению. Ему удалось погасить горение ее пылкого сердца, и она вынуждена была ответить согласием на предложение молодого человека, с которым он же ее и познакомил. Обручиться им предстояло через несколь-

ко месяцев, и, когда мы приехали, Грэм находился в доме с визитом. Вскоре мы поняли, *что* он собой представляет: то, что выбор Макдональда пал на него, чувствовалось буквально во всем. Нам говорили, что он разумен, развит не по годам и приятен в обращении. Судить о подобных пустяках мы не считали себя вправе, но, коль скоро у нас не оставалось никаких сомнений, что он бездушен, никогда не читал «Вертера»¹ и волосы его при всем желании не назовешь золотистыми, мы ничуть не удивились, что Жанетта не испытывает к нему никакого чувства. Уже одно то, что избран он не ею, а ее отцом, было настолько не в его пользу, что, даже заслуживая он ее во всех прочих отношениях, являлось в глазах Жанетты достаточно веской причиной, чтобы его отвергнуть. Этими соображениями мы и вознамерились с ней поделиться, представив ситуацию в ее истинном свете и нисколько не сомневаясь, что добьемся успеха у этой весьма здравомыслящей особы, чьи просчеты были вызваны как отсутствием доверия к своему собственному мнению, так и пренебрежением к мнению своего отца. Как мы и рассчитывали, мы нашли в ней полное понимание и безо всякого труда сумели уговорить ее, что Грэма она не полюбит никогда и что не подчиняться отцу — ее долг. Пожалуй, лишь наши заверения в том, что она должна связать свою жизнь с кем-то другим, вызывали у нее некоторые сомнения. Некоторое время она твердила, что не знает ни одного молодого человека, к которому бы питала малейшую привязанность, однако, когда мы сказали ей, что такого просто не может быть, призналась, что капитан Маккенри *и в самом деле* нравится ей больше других молодых людей, ей

¹ То есть «Страдания молодого Вертера» (1774) Гёте, роман, вызвавший среди молодежи повальные самоубийства из-за неразделенной любви.

СОДЕРЖАНИЕ

Любовь и дружба. <i>Перевод А. Ливерганта</i>	5
Леди Сьюзен. <i>Перевод А. Ливерганта</i>	44
Уотсоны. <i>Перевод Н. Калошиной</i>	127
Сэндитон. <i>Перевод Н. Кротовской</i>	193
Три сестры. Роман. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	271
Фредерик и Эльфрида. Роман <i>Перевод Е. Калявиной</i>	288
Джек и Элис. Роман. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	297
Генри и Элиза. Роман. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	318
Прекрасная Кассандра. Роман <i>Перевод Е. Калявиной</i>	326
Амелия Уэбстер. Роман. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	329
Визит. Комедия в двух актах <i>Перевод Е. Калявиной</i>	332
Приключения мистера Харли. <i>Перевод Е. Калявиной</i> ..	339
Превосходное описание того, как по-разному чувствительность воздействует на различные умы. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	340
Наброски. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	342

Остин Дж.

О 76 **Любовь и дружба : романы, рассказы, наброски / Джейн Остин ; пер. с англ. Е. Калявиной, Н. Калошиной, Н. Кротовской, А. Ливерганта. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 352 с. — (Азбука-бестселлер).**

ISBN 978-5-389-11991-8

Книги знаменитой английской писательницы Джейн Остин уже давно снискали славу и читательскую любовь во всем мире. Обыденная жизнь обычных людей, подробности провинциального быта — вот сфера ее писательских интересов. Однако острый ум, искрометный юмор и тонкая всепроникающая ирония придают произведениям Остин изящество и глубину.

В настоящем издании печатаются ранние произведения Джейн Остин. В их числе **ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ** ряд набросков, заметок, незавершенных романов и пьес, читать которые одно удовольствие. В этих «пробах пера» уже вполне проявили себя талант и обаяние, столь знакомые читателям по лучшим произведениям Джейн Остин. В августе 2016 года на широкие экраны страны выйдет фильм «Любовь и дружба», экранизация изящного романа «Леди Сьюзен», созданного писательницей в самом начале ее творческого пути.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙН ОСТИН
ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ксения Казак, Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 12.07.2016. Формат издания $84 \times 100 \frac{1}{32}$.
Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Усл. печ. л. 17,16.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

YABA2002301R